

УДК 321

DOI: 10.17223/1998863X/59/19

С.В. Бирюков, С.Н. Чирун, А.В. Андреев

ГЛОБАЛЬНЫЙ ПУБЛИЧНЫЙ ПОРЯДОК И ЕГО ИЗМЕНЕНИЯ

Статья посвящена современным подходам к исследованию глобального публичного порядка, в том числе анализу способствующих его формированию факторов, а также рассмотрению тех форм, которые он принимает. По мнению авторов, глобальный публичный порядок сегодня все больше становится объектом междисциплинарных исследований, в частности он активно рассматривается с позиций структурного анализа. Авторами сделан вывод о том, что в настоящий момент происходит процесс адаптации новых форм глобального публичного порядка к динамично изменяющейся глобальной реальности.

Ключевые слова: мировой порядок, публичный порядок, глобализация, сети, паноптикум, синоптикум, баноптикум.

Понятие «глобальный публичный порядок» и его современные интерпретации

Понятие «(глобальный) публичный порядок» одно из часто употребляемых в современной политологии. При этом, подобно другим политологическим дефинициям, оно постоянно изменяет (расширяет и углубляет) свой смысл в ответ на перемены в обществе и в политике – в том числе связанные с целями, смыслами и стратегиями последней. При этом публичный порядок – это одна из модификаций мирового порядка, который представляет собой феномен более общего характера.

Однако мировой политический процесс куда сложнее любых теоретических схем, предсказывающих «упразднение государств», раздел мира между членами «клуба сверхдержав» либо «безальтернативность» глобализации как процесса. Современный миропорядок является «многослойным», и в его рамках государства не «преодолеваются», но сосуществуют на международной арене с другими акторами мировой политики [1].

Между тем происходящие в современном мире кардинальные изменения общественно-политической жизни индивидов, обществ и государств привели к серьезной трансформации политико-правовых основ взаимоотношений государств и народов.

Невиданные ранее по своей интенсивности процессы всемирной интернационализации международной жизни, политико-экономической интеграции, сближения и унификации правовых систем в корне изменили многие привычные формы внутренних и международных публичных процессов и устоявшиеся представления о них [2]. Широко распространенными стали такие понятия как «международный публичный порядок», «новый международный порядок», «публичный экономический порядок», «новый экономический порядок», «новый коммерческий порядок», «новый экологический порядок» и др., появление которых в научном обороте отражает современные закономерности развития мирового сообщества в ситуации постмодерна. По-

явление данных понятий подтверждает наличие у международного сообщества целого ряда общих интересов, которые в силу своей особой актуальности формируют запрос на «новую публичность» в рамках межгосударственных отношений.

Мировой публичный порядок реализуется в рамках мирового публичного пространства, которое представляет собой пространство экспансии глобальной культуры и ее ценностей.

С точки зрения используемого авторами системного подхода, глобальное публичное пространство – самоорганизующаяся в соответствии с нелинейными принципами и опирающаяся на манифестированные и латентные структуры система, в рамках которой посредством взаимоотношений большого числа автономных субъектов выстраиваются устойчивые и функциональные взаимодействия, формируются каналы и сети коммуникации, происходит воспроизводство определенных системных качеств и параметров [3].

В свою очередь, глобальный публичный порядок – определенное состояние этой системы, которое характеризуется преобладанием устойчивости над изменчивостью, функциональных проявлений над дисфункциональными, соблюдением конвенциональных правил для акторов:

- 1) устойчивость (не исключаящую текущих изменений) [4];
- 2) стабильность (что предполагает функционирование в привычном режиме);
- 3) управляемость (дееспособность поддерживающих этот порядок с помощью определенных институтов и механизмов);
- 4) сбалансированность отношений основных субъектов мировой политики (государств, международных организаций, межгосударственных объединений) [5];
- 5) соблюдение основными субъектами глобальных публичных коммуникаций общепринятых «правил игры».

При этом сам феномен глобального публичного порядка, осмысляемый в политической науке, рассматривается исследователями на основе использования ими различных критериев. Наряду с традиционным восприятием публичного порядка как результата правовой институционализации, развиваются и новые направления исследований, в которых публичный порядок уже рассматривается как самостоятельный многоаспектный феномен. Во французской политической науке проблематика становления глобального публичного порядка как целостного явления нашла отражение в исследованиях М. Штегера [6]. Проблематике трансформации обыденной идентичности в условиях глобализирующегося мира уделяется внимание в исследованиях Ж. Финкельштейна [7]. У. Бек [8] и Н. Талеб [9] – рассматривают глобальную ситуацию риска, в связи с сопутствующими ей глобальными кризисами.

По мнению авторов статьи, публичный порядок включает в себя формально-правовой, коммуникативный, структурно-организационный, публично-политические и публично-управленческие аспекты. На этой основе выделяется ряд особенностей публичного порядка:

1. Анонимность (не отождествляется однозначно ни с какими конкретными персонами).
2. Всепроникающий характер (проникновение во все ключевые сферы жизни общества – политику, экономику, культуру, социальную сферу).

3. Принципиальное отсутствие границ (выход за рамки отдельных государств и гражданских обществ).

4. Неразрывная связь с механизмами публичной коммуникации (которые выступают как процедурное основание).

5. Связь с механизмами опосредованного контроля (участие в публичности означает подконтрольность).

6. Многообразие капиталов, необходимых для его воспроизводства (политического, культурного, социального, экономического и символического).

7. Многообразие используемых коммуникативных инструментов (с целью воздействия на более широкий спектр социальных отношений).

8. Многообразие форм коммуникации, используемых в процессе его воспроизводства [10].

Авторы статьи стремятся выявить, с какими же параметрами и изменениями изначально было связано утверждение «новой публичности». Очевидно, что ее складыванию способствовал целый ряд системных социально-политических преобразований, приведших к коренной трансформации глобального политического и правового ландшафта.

Попытаемся в дополнение к уже сложившимся в науке подходам [11] обозначить основные глобальные тренды, в наибольшей степени влияющие на процесс формирования «новой публичности» и складывания глобального публичного порядка.

Первый тренд – освобождение социальных и политических отношений от их локально-территориальных оснований, от связи с определенными территориями (детерриториализация) – вплоть до преодоления самих факторов территориальности и географии [12].

Второй тренд – замещение «пространства мест» так называемым «пространством потоков» [13].

Третий тренд – исчезновение различных форм неподвижной территориальной организации, появление ее новых форм, вследствие чего не только отдельные государства, но и крупные мегаполисы («мировые города») становятся ключевыми участниками глобализационных процессов [14].

Четвертый тренд – ускоряющаяся циркуляция людей, товаров, капиталов, денег, идентичностей и образов в рамках глобального пространства.

Пятый тренд – возрастающая проницаемость границ.

Шестой тренд – освобождение от связей с определенной территорией политических и культурных идентичностей [15].

Седьмой тренд – на место традиционных форм регулирования и управления (governance) из единого государственного центра приходит политика, неразрывно связанная с особенностями тех или иных уровней пространственно-территориальной организации (politics of scale) – регионами и территориями [16].

Восьмой тренд – уменьшение роли централизованных государств, регионализация и становление так называемой «сетевой» модели управления (ЕС) – государства сосуществуют на международной арене с международными организациями и союзами, неправительственными организациями, крупными корпорациями и др.

Государство, таким образом, утрачивают прежнюю политическую монополию в качестве особого «места», конституционно установленной террито-

рии, в рамках которой осуществляются функции политического выбора, представительства интересов и легитимации. Оно передает часть своих полномочий «вниз» на уровень регионов, коммун и муниципальных образований, и «наверх» на уровень «международных режимов», а также «вовне» – в систему рынка и гражданского общества.

Девятый тренд – интернационализация и регионализация политики на всех уровнях (национальном, региональном, местном). Формирование новых экономических структур происходит по преимуществу на региональном и местном уровнях и зависит от подвижного соотношения «факторов места» [17].

Десятый тренд – возникновение новых форм многослойной дипломатии и многоуровневого управления, нуждающихся, в свою очередь, в современных формах соединения, координации и представительства [18].

Процесс складывания необходимых предпосылок для формирования глобального публичного порядка рассматривался исследователями в течение нескольких последних десятилетий. Уточняя характер современных вызовов, американский политолог и эксперт по международным отношениям Дж. Розенау выделяет несколько глубоких трансформаций, символизирующих разрыв с традиционными факторами формирования публичного порядка, в числе которых он особо выделяет переход от индустриального к постиндустриальному порядку (имея в виду воздействие «микроэлектронной революции» на системы информации и коммуникации) на фоне снижения возможностей централизованного государства в деле решения проблем общества вкупе со скачкообразным расширением возможностей людей за счет распространения коммуникационных технологий [19].

Развивая данный подход применительно к теории международных отношений Дж.У. Бертон в своей «теории паутины» описал процесс складывания новых социальных отношений, охватывающих весь мир [20]. В модели Мира Бертона нет государственных границ, но изображены линии телефонных переговоров, направления путешествий и движения товаров. То есть мир транзакций, состоящих из сетей, структур и систем, которые постепенно сформировали необходимую инфраструктуру для складывания глобального порядка нового типа.

В свою очередь, успехи коммуникационных и цифровых технологий стали решающей предпосылкой для подъема мировых финансовых рынков, для создания индустриальных концернов и для подъема стран-«тигров» Юго-Восточной Азии, в значительной степени связанных с использованием компьютерных чипов. Интернет, который с середины 1990-х гг. складывался как сугубо частная ацентричная структура, превратился в механизм охватывания всего мира «сетями» через цифровые технологии и электронные медиа. При этом охват мира электронными сетями осуществляется не по принципу «ризомы» (т.е. не равномерно), вследствие чего возникает новый «цифровой разрыв» между включенными и невключенными в сети людьми [21. Р. 107].

М. Кастельс, в свою очередь, описывает глобализацию как процесс складывания «сетевого общества», рассматривая ее в качестве ранее неизвестной истории формы общественных отношений. По его мнению, в современных условиях компьютерная техника впервые делает возможным организовать гибкие социальные отношения независимо от территориальных «локусов».

В «информационную эпоху» на место иерархической и бюрократизированной организации постепенно приходят закрытые горизонтальные сети, которые становятся основной организационной формой для общественной и политической жизни. Вследствие этого фактора изменяются сами подходы к использованию власти и распределению ресурсов: согласно Кастельсу, власть воплощается отныне не в форме приказа и подчинения, но в форме сетевой организации, преследующей определенные цели.

В итоге на место механизмов подавления и эксплуатации, предполагающих наличие дисциплинарных «верха» и «низа», географических «центра» и «периферии» в «сетевом обществе» приходит принцип принадлежности к определенному «сетевому союзу» либо исключение из него. Поэтому главное разделение современного мира, по Кастельсу, проходит между людьми, интегрированными в сети либо исключенными из них [22].

Какие конкретные формы принимает публичный порядок в современных условиях? Формально современные «*ordre public*» (Франция), «*öffentliche Ordnung*» (Германия), «*public policy*» (Великобритания), «*offentlig orden*» (Голландия), «*ordine pubblico*» (Италия), «*ordino publico*» (Испания) являются необходимой составляющей правопорядка любого государства. Но законодательство государств не раскрывает данное понятие. Поэтому оно лишено конкретики и несет морально-идеологический оттенок, субъективно в восприятии, а поэтому вызывает затруднения для объективного и точного использования. Весьма образно охарактеризовал использование категории «публичный порядок» французский политолог Ф. Малори: «Никто не может определить его существо, каждый в полном неведении, но все его используют» [23. Р. 3].

Современный ЕС – своего рода «лаборатория» глобального публичного порядка. Особенностью становления европейского публичного порядка и европейского правового пространства является то, что их базовым содержательным ядром стали гуманитарно-правовые нормы, а организационно-правовым каркасом и системообразующими актами – Совет Европы, его Устав и ЕКПЧ. Уникальную, не имеющую аналогов роль в обеспечении публичных интересов европейских государств играет Европейский суд по правам человека и Суд европейских сообществ. Вышеуказанные суды в своей деятельности подтвердили существование общеевропейских публичных интересов государств и основанного на этих интересах европейского публичного порядка. Это связано с признанием академической средой высокой роли и юридической значимости всей совокупности прав и свобод человека [24].

Объективно возникновение и признание государствами наличия у них общих публичных интересов экономического, политического, финансового, экологического, информационного, культурного, правового и т.п. характера привело к постепенной выработке ими единых правил взаимного поведения – стал формироваться глобальный публичный порядок.

Глобализация вывела миллиарды людей по всему миру из острой нищеты. Однако выгоды от глобализации распределяются неравномерно. Глобализация создает возможности государствам и народам, но те, кто может или знает, как ими воспользоваться, иногда получают огромные выгоды, в то время как другие игроки остаются позади [25].

Однако снижение эффективности управления чрезвычайными ситуациями и глобальными вызовами сегодня присуще всем современным либерально-демократическим режимам. Потребность в разработке эффективных механизмов такого регулирования предполагает различие взаимодействующих форм «первичной эффективности» государства (органически связанной с обеспечением безопасности своих граждан), а также «вторичной эффективности» правящего режима, обуславливающей сохранение в государстве основ демократического порядка.

Структурирование глобального публичного порядка: современные подходы

В современной ситуации наибольшего внимания заслуживают теории, описывающие возможные структурные основания глобального публичного порядка как продукта междисциплинарного синтеза [26]. Анализ подходов различных исследователей позволяет нам получить ответы на следующие вопросы: Каково же внутреннее содержание процесса становления новой модели публичного порядка? Какие структурные основания имеет и какие структурные формы принимает сегодня публичный порядок? Как изменяются в рамках этого порядка взаимоотношения между обществом, государством и гражданами?

Верна ли принципиально гипотеза Дж. Розенау о том, что «эволюция мультицентричного мира уменьшает силу прежде безотказных государственных инструментов» в то время как государства сохраняют в своих руках инструменты принуждения, в то время как их легитимность и власть постепенно приходят в упадок? [27]. И следует ли принять гипотезу Дж. Рэджи о формировании «постмодернистского гиперпространства», о многочисленных «мультиперспективных институциональных формах», которые сосуществуют с современным государством [28. Р. 173]?

В действительности современные коммуникации неразрывно связаны с аспектами дисциплинирования и безопасности – благодаря чему линии соединения неизбежно превращаются в линии разделения. По убеждению авторов статьи, фрагментации социального контроля в результате современных глобальных процессов не произошло, но сложилась качественно новая глобальная матрица контроля, выступающая в нескольких основных формах, по вопросу о характере которых мнения исследователей различаются.

Так, например, с точки зрения З. Баумана, основополагающей формой публичного порядка в условиях модерна является паноптикум. Последний выступает как центр современного господства – и эффективность последнего традиционно основывалась на ограничении мобильности заключенного, за которым постоянно следит остающийся незамеченным наблюдатель. Таким образом, телесное и личностное присутствие Наблюдателя остается неосознанным. Архитектура последнего облегчала контроль Наблюдателя за заключенными с помощью блоков (ячеек) в виде полукруга, когда Наблюдатель ведет наблюдение из центра полукруга, в то время как заключенный не может обозревать всю ту конструкцию, которой он ограничен. Благодаря этому обстоятельству паноптикум соединяет в себе строгий порядок заключения с элементами игры.

При этом в рамках паноптикума Наблюдатель принимает на себя сознательную ответственность за жизнь и относительное благополучие наблюдаемого. Таким образом, в условиях модерна наблюдение играет центральную роль. При этом сам З. Бауман отмечал неизбежность перехода классического модерна в состояние «текучего модерна» в процессе разворачивания которого все устойчивое и постоянное будет преодолено.

«Текущему модерну», согласно Бауману, соответствует модель «текучего наблюдения» в различных его модификациях [29]. Предложенная З. Бауманом концепция «текучего наблюдения» позволяет понять процесс трансформации модерна в качественно новое состояние социума.

В конечном итоге современный характер властвования, согласно З. Бауману, является по своей природе «пост-паноптическим» [30. С. 16–18]. Таким образом, понятие «текущее наблюдение» в большей степени не средство описания действительности, но в большей степени – отражение текущих трендов в развитии публичной сферы [31].

При этом консолидированный контроль за поведением и активностью отдельных людей не исчезает, но принимает все более новые и многообразные формы. «Текущее наблюдение» расширяется непредсказуемыми способами, содействуя размыванию устойчивых институтов. Помимо этого, экспансии «текучего наблюдения» содействует «сдвиг», вызванный повышающимися требованиями безопасности и активизацией маркетинговых фирм на рынке.

При этом современный паноптикум – не только и не просто модель Наблюдения, электронные технологии, которые использует власть в быстро изменяющемся и гибко организованном современном мире, в котором твердые стены и окна теряют свое значение и власть, будучи заменяемыми на свои виртуальные аналоги. Становятся возможными ранее неизвестные формы господства, и наблюдение имеет все меньше общего с заключением в рамках изолированного пространства в концепции М. Фуко.

Последнее прежде всего означает, что в сфере медиа и электронной торговли коммуникация все чаще принимают форму развлечения и удовольствия. Облегчение контроля означает повышение его эффективности. В аэропортах человек отныне может успешно зарегистрироваться с помощью своего смартфона, передавая через него все необходимые данные при регистрации.

Примером новых форм господства является система социальных кредитов, сформированная и используемая ныне в КНР. Система социального кредита (пиньинь: shèhuì xìnnyòng tìxì) – это национальная репутационная система, разрабатываемая Коммунистической партией Китая (КПК) под руководством генерального секретаря КПК Си Цзиньпина. Программа инициировала региональные испытания в 2009 г., а затем на ее основе был запущен национальный пилотный проект с восемью кредитными скоринговыми фирмами в 2014 г. В 2018 г. эти усилия были централизованы под руководством Народного банка Китая с участием восьми фирм. К 2020 г. предполагалось стандартизировать оценку экономической и социальной репутации граждан и предприятий, или «социального кредита»¹.

¹ SAT Boosted the Construction of Credit System and Practiced Reward and Punishment Based on «Two Measures»: Honest Taxpayer on Honor List and Illegal Taxpayers on Blacklist. www.chinatax.gov.cn. General Office of the State Administration of Taxation. 8 July 2014. Archived from the original on 27 December 2015. Retrieved 26 December 2015.

Инициатива по введению системы социальных кредитов предусматривает создание единой системы учета для физических лиц, предприятий и правительства, которая будет отслеживаться и оцениваться с точки зрения надежности.

В конечном итоге переход от паноптикума к другим, более гибким формам контроля означает, что Наблюдатель может отказаться от ответственности за судьбу наблюдаемого. При этом в рамках «пост-паноптического порядка» не существует никаких постоянных обязательств. Мобильность и кочевничество отныне вознаграждаются (исключая бедных и клошаров). И всякое малое, легкое и быстрое означает лучшее.

Как полагает французский исследователь Ж. Делез, наблюдение в условиях «текущего модерна» распространяется не подобно дереву (почкованием), но вертикально и упорядоченно, как и в условиях постмодерна или же ризоматически, подобно травяному покрову [32], охватывая таким образом все публичное пространство.

Благодаря этому, как указывает Дидье Биго, во имя безопасности сегодня «все, что движется (товары, информация, капиталы, люди), отслеживается и отмечается. Наблюдение осуществляется сквозь пространственную и временную дистанции и уверенно пересекает национальные границы» [33. Р. 109].

Цифровизация наблюдения приводит, наряду с введением биологического контроля, к постепенному замещению «физической личности» так называемыми «цифровыми дублями», представляющими собой совокупность наиболее социально значимых данных данного лица, что создает дополнительные возможности для перехода к дистанционному контролю за мобильностью. В итоге «диспозитив наблюдения» (по аналогии с диспозитивом власти М. Фуко) рассматривает человеческие тела как совокупность регулярно изменяющихся данных, что предполагает создание мобильных «цифровых дублей».

В свою очередь, исследователь О. Ганди использует понятие паноптикума для описания современных маркетинговых стратегий. Согласно исследователю, современный маркетинг нуждается в персонифицированной информации. Ганди связывает контрольный и классифицирующий аспекты паноптикума с компьютеризированной переработкой данных потребителей. По его убеждению, маркетинг постоянно ищет новые пути обретения клиентов, объединяя последних в целевые группы посредством обработки персонифицированной информации, существование которых помогает поддержать достигнутый на сегодня уровень потребления и одновременно является опосредованной формой публичного контроля. При этом, согласно Ганди, паноптическое наблюдение в области маркетинга противоположно по смыслу какой-либо форме социальной дискриминации, поскольку классификация потенциальных клиентов, покупателей и потребителей является не дескриптивной, а нормативной [34].

Развивая рассмотренный выше подход, некоторые зарубежные исследователи приходят к выводу, что в современных условиях на место классического паноптикума постепенно утверждается «персональный паноптикум». Паноптикум классического типа, предполагающий централизованный контроль и «наблюдение немногих за многими», действует сегодня ограниченно,

охватывая ту часть современных городов, в которую «вытеснены» бедные жители и девианты.

В качестве примера «классического паноптизма» Вакан (Waquant) приводит паноптикум «государства всеобщего благоденствия», которое проявляется там, где обедневшие семьи подвергаются санкционированному наблюдению в связи с получением ими социальной помощи. В данном случае Вакан говорит о «социальном паноптизме», который проявляется в виде кварталов бедноты в городах обоих полушарий [35]. Классические виды контроля и наблюдения распространяются сегодня также на другие маргинальные группы – бродяг, подозреваемых в терроризме и др., ставших объектами воздействия в рамках программ по обеспечению безопасности.

Анализируя складывающиеся сегодня практики публичного контроля, Д. Биго уточняет содержание понятия паноптикума, рассуждая об этих распространенных по всему миру маргинализированных группах, используя при этом понятие «баноптикум» (Bann-opticum).

Изначально данное понятие подразумевало, что с помощью профайл-технологий можно (попытаться) установить, кто будет подвергнут наблюдению, а кто – нет. Одновременно оно характеризовало статус международных «менеджеров неопределенности» полиции, пограничных властей, сообществ поставщиков авиационных услуг, формируется зона так называемой «глобальной неопределенности». Транснациональные бюрократии, как коммерческие, так и административные, работающие сегодня дистанцированно с целью осуществления наблюдения и контроля за деятельностью людей. Взятые в совокупности, поддерживаемые ими дискурсы, практики, архитектурные структуры и правила формируют некоторый аппарат, или «диспозитив». Благодаря их распространению, возникает не «глобальный паноптикум», но упомянутый выше «баноптикум» – понятие, происходящее от немецкого слова «Bahn», которое одновременно означает «исключение» (из социума), «общину» (сообщество), приказ или баннер (знамя) суверена.

Упомянутый «диспозитив» устанавливает, кто считается благоприятной фигурой для социума, а кто нет. Вследствие необходимости осуществления новых форм публичного контроля возникает категория людей, которые составляют не единое национальное государство, но некоторое условное сообщество людей, осуществляющих «глобальную власть».

Формируемый этими новыми глобальными менеджерами баноптикум оперируется виртуально, опирается на взаимосвязанные сетевые базы данных и стремится предугадать дальнейшее развитие событий, исходя из агрегированных ими данных об отдельных персоналиях.

Д. Биго указывает, что сегодня больше не существует некоторого централизованного паноптикума, но имеет место фрагментация и существуют гетерогенные диспозитивы [36]. Последний действует посредством государственных и частично экономических организаций, которые совместно с институтами удовлетворяют потребности в развитии информационных технологий и осуществлении биометрических процедур, содействуя выполнению процедуры «наблюдения за трансграничными движениями индивида».

Таким образом, согласно Биго, возникает пространство «транснациональной неопределенности» (и иные, включая паноптикум). В этом пространстве он размещает определенные дискурсы (исходя из потенциала и

уровня угрозы со стороны внутренних и иных врагов), институты, архитектурные конструкции (от портов до залов ожидания в аэропортах), законы и распоряжения, устанавливая определенные группы людей как цель структурирующих и упорядочивающих мероприятий.

Стратегия баноптикума, установленная подобным образом, идентифицирует определенные меньшинства как «нежелательные», подкрепляя публичный порядок методами поляризации (на лояльных и «изгоев»). Менеджеры баноптикума используют специальные техники формирования персональных профайлов, что позволяет им поставить определенные «целевые группы» под контроль, но при этом позволяют «неисключенным» группам свободно подключаться к потокам товаров, капиталов, информации и людей. В ситуации постепенного складывания глобального публичного порядка, оперирующего за рамками сферы контроля национальных государств, упомянутые менеджеры располагаются между властью и ее противниками, модерлируя таким образом отношения между государством и обществом. Невидимая прежде «публичная власть» становится, таким образом, ощутимой для индивидов. Д. Биго отмечает, что современный человек посредством стратегий Диспозитива попадает под власть «императивов мобильности».

В итоге в рамках видоизменяющегося «публичного порядка» на первый план выходят «нежелательные мигранты», которые подвергаются мерам контроля на пересекаемых ими государственных границах. Таким образом, если паноптикум предполагает частично персонализированный «надзор» за заключенными, то баноптикум – анонимный за перемещающимися свободно и без видимых ограничений.

Среди других значимых для понимания характера современного публичного порядка внимания заслуживает выдвинутая Т. Матизеном концепция синоптикума. По мнению исследователя, в рамках данной формы публичного контроля на место принципа «Немногие наблюдают за многими» приходит принцип «Многие наблюдают за немногими» (основополагающий для современных СМИ) [37].

Понятие «синоптикум» описывает новую ситуацию в сфере публичного контроля достаточно полно. Когда синоптикум занимает место паноптикума, становятся ненужными высокие стены и наблюдательные башни, которые ранее были необходимы для изоляции условных «заключенных», и нет необходимости подчиняться никаким супервайзерам с целью соблюдения привычной рутины, что нарушает солидарность управляемых и одновременно снижает риск совместного выступления последних в ответ на унижение их достоинства.

От формальных объектов бюрократического контроля сегодня ожидают, что они сами себя дисциплинируют и будут готовы заплатить материальную и психологическую цену за установление и поддержание дисциплины самостоятельно. Они сами должны сооружать поддерживающие публичный порядок условные «стены» и пресекать любую попытку «прорыва» сквозь них. В рамках этой системы пользователи Гугла или Фейсбука в процессе автономной, но координируемой потребительской активности содействуют заполнению «банков данных», на основе которых затем формируются «целевые группы», состоящие из «перспективных» покупателей и клиентов.

Ключевой тезис Т. Матизена утверждает, что сохраняющиеся в условиях «текущего модерна» паноптические эффекты не могут быть поняты без опоры на концепцию синоптикума, с проявлениями которого они сосуществуют. Развивая эту логику, Матизен утверждает, что сегодня паноптикум, синоптикум и баноптикум переплетаются в публичном пространстве и проявляются друг в друге.

В свою очередь, уточняя и толкуя понятие синоптикума, британский исследователь Д. Лайон понимает синоптикум Матизена как особую форму «паноптикума для самодетельных» (т.е. ответственных за соблюдение мер контроля в отношении самих себя) – или как значительно модифицированную форму паноптикума, суть которого – «Наблюдение без Наблюдателя».

Опираясь на понятие синоптикума, Лайон говорит о происходящей на наших глазах новой «революции менеджеров». Если в рамках паноптикума управляемые традиционно рассматриваются как «контролируемые» и «субсидируемые», то в условиях синоптикума управляемым представляется персональная автономия и право на самоопределение в рамках системы публичного контроля – т.е. происходит их ре-субъективизация. В конечном итоге контролеры освобождаются от обязанности контролировать, поскольку контролируемые отныне обязываются самостоятельно поддерживать действие контрольных процедур [38. S. 92].

В рамках происходящей трансформации властвующие объявляют старые правила игры недействующими и иницируют новую игру, благодаря чему они усиливают свое господство в противостоянии с «бросающими вызов». В итоге позиции «менеджеров порядка» становятся неуязвимыми, поскольку они отбрасывают последние обязательства и ограничения своей власти, передавая прежнее «пространство контроля» во власть спонтанных процессов, обезопасив при этом себя. «Менеджеры порядка» в отношениях с управляемыми твердо следуют правилу «только текущий успех принимается к сведению» (все предыдущие достижения не имеют значения), что позволяет заслуги управляемых системно планировать и своевременно обобщать.

Новый синоптико-баноптический порядок не исключает в то же время иных форм публичного порядка, самоопределения и контроля. Так, в современном публичном пространстве все в большом числе присутствуют персональные мини-паноптикумы. И каждый желающий может отныне жить в рамках персонального мини-паноптикума, самостоятельно неся ответственность за выбор способа его функционирования.

С помощью технологий по формированию «банков данных» «слой публичных инженеров» действует в пространстве между синоптикумом и баноптикумом, в то время как их работа создает предпосылки для использования баноптических техник в сфере публичной политики.

Результаты и обсуждение

В результате проведенного исследования авторам удалось выявить и обобщить некоторые закономерности, связанные с трансформацией форм и механизмов публичного порядка. Последний выступает сегодня как самостоятельный феномен и не может быть сведен к формально-правовым, коммуникативным и организационно-политическим аспектам. Не вызывает сомнений связь с ситуацией «текущего модерна» и складыванием системы

«текущего наблюдения» вкупе с формированием глобальной матрицы контроля на основе современных коммуникационных технологий. Структурной основой формирующейся сегодня модели публичного порядка является соединение таких форм публичного контроля, как синоптик (многие наблюдают за немногими) и баноптик (с исключением из публичного пространства «нежелательных»), которые приходят на смену паноптическим стратегиям и технологиям. При этом современное государство удерживает в пределах своей компетенции часть полномочий по осуществлению публичного порядка, сохраняя за собой собственный «сегмент ответственности». При этом система публичного контроля, распространяясь и охватывая все сферы жизни общества, связана со стремлением «ответственных менеджеров» не просто контролировать, но моделировать и программировать желательное социальное поведение индивидов, что влияет на определение социального статуса последних.

Литература

1. Цыганков А.П. Эпоха полураспада: от миропорядка к миропереходу // Россия в глобальной политике. 2019. Т. 17, № 2. С. 20–31.
2. Дегтерёв Д. Второй большой спор в контексте становления российской науки о международных отношениях // Международные процессы. 2019. Т. 17, № 2 (57). С. 43–62.
3. Сморунов Л.В. Партиципаторная управляемость в условиях цифровизации: сетевой эффект и институты // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 4 (61). С. 43–49.
4. Барановский В. Новый миропорядок: преодоление старого или его трансформация? // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 5. С. 7–23.
5. Лебедева М.М. Новый мировой порядок: параметры и возможные контуры // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 24–35.
6. Steger M. Globalization: A Very Short Introduction. New York : Oxford University Press, 2009. 176 p.
7. Finchelstein G. La dictature de l'urgence. Paris : Fayard, 2013. 240 p.
8. Beck U. The Metamorphosis of the World. Polity, 2017. P. 177–179.
9. Taleb N. Skin in the Game: Hidden Asymmetries in Daily Life. Allen Books, 2017. 227 p.
10. Лебедева М.М., Харкевич М.В., Зиновьева Е.С., Копосова Е.Н. Архаизация государства: роль современных информационных технологий // Полис. Политические исследования. 2016. № 6. С. 22–36.
11. Лебедева М.М. Современные мегатренды мировой политики // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 9. С. 29–37.
12. Ruggie J.G. Territoriality and beyond: problematizing modernity in international relations // International Organization. 1993. Vol. 47, 1, Winter. P. 139–174.
13. Castells M. The Information Age. Economy, Society and Culture. Oxford : End of Millennium, 1999. Vol. 3. 456 p.
14. Brenner N. Globalisierung und Reterritorialisierung // Grenzen in den internationalen Beziehungen / R. Kraemer (Hrsg.). Potsdam : WeltTrends, 2009. (Welt Trends Lehrtexte 14). S. 73.
15. Appadurai Ar. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization // Minneapolis: University of Minnesota. 1996. Vol. 103, № 5. P. 1411–1412.
16. Smith N. Geography, difference and the politics of scale // Postmodernism and the social sciences / eds. Doherty J., Graham E., Malek M. New York : St. Martin's Press, 1992. P. 57–79.
17. Bogeson P. Public Policy and local governance // Institutions in Postmodern Society. Edward Elgar, 2000. P. 171–174.
18. Vasiliache A. Verlierer oder Gewinner? // WeltTrends. 2009. № 64. S. 81–89.
19. Rosenau J. The relocation of authority in a shrinking world // Comparative Politics. 1992. Vol. 24, № 3. P. 253–272.
20. Burton J.W. World Society. Cambridge, 1972. P. 35–51.
21. Osterhammel J., Petersson N.P. Geschichte der Globalisierung: Dimensionen, Prozesse, Epochen. Beck, 2003. 128 p.

22. *Castells M.* Materials for an Exploratory Theory of the Network Society // *British Journal of Sociology*. 2000. Vol. 51. P. 5–24.
23. *Malaurie Ph.* Les contrats contraires à l'ordre public (Étude de Droit civil comparé: France, Angleterre, U.R.S.S.). Th. Reims. Éd. Madot-Braine, 1953. 251 p.
24. *Сунгуров А.Ю.* Концепция прав человека: продвижение в России и обсуждения в академической среде // *Вестник Пермского университета. Политология*. 2019. Т. 13, № 3. С. 44–53.
25. *Аджемоглу Д., Робинсон Д.А.* Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М. : Изд-во АСТ, 2015. 575 с.
26. *Сморгунов Л. В.* Онтологические повороты в современной политической науке: в поисках адекватности политике // *Социальные и гуманитарные знания*. 2020. Т. 6, № 2. С. 122–133.
27. *Rosenau J.* Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. Princeton, New Jersey, 1990. P. 181–209.
28. *Ruggie J.G.* Territoriality and Beyond: Problematizing Modernity in International Relations // *International Organization*. 1993. Vol. 47, 1, Winter. P. 139–174.
29. *Bauman Z.* Wasted lives. Modernity and its outcasts. Cambridge, UK : Polity Press, 2004. 152 p.
30. *Бауман З.* Текучая современность. СПб. : Питер, 2008. 240 p.
31. *Bauman Z.* 44 Letters from the Liquid Modern World. Cambridge : Polity Press, 2011. 190 p.
32. *Deleuze G.* Postskriptum ueber die Kontrollgesellschaften // *Unterhandlungen 1972–1990*. Aus dem Französischen von Gustav Roßler, Suhrkamp, Frankfurt a. M., 1993 (orig. 1990). S. 254–262.
33. *Didier B.* Security a field left fallow // *Foucault on Politics, Security and War* / eds. M. Dillon, A.W. Neal. London : Palgrave Macmillan, 2011. 208 p.
34. *Gandy O.* Coming to Terms with Chance: Engaging Rational Discrimination and Cumulative Disadvantage. Farnham, Surrey : Ashgate Publishing, 2009. 270 p.
35. *Wacquant L.* Punishing the Poor: The Neoliberal Government of Social Insecurity. Durham : Duke University Press, 2009. 307 p.
36. *Foucault M.* Politics, Security and War. London : Palgrave Macmillan, 2011. 223 p.
37. *Матисен Т.* Суд над тюрьмой. Реферат // *Отечественные записки*. 2008. Т. 41, № 2. С. 39–54.
38. *Lyon D.* Daten, Drohnen, Disziplin: Ein Gespräch über flüchtige Überwachung. Berlin : Berlin Suhrkamp, 2013. 205 S.

Sergei V. Biryukov, East China Normal University (Shanghai, China).

E-mail: birs.07@mail.ru

Sergey N. Chirun, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation).

E-mail: Sergii-Tsch@mail.ru

Andrey V. Andreev, Kuzbass regional television and radio channel (Kemerovo, Russian Federation).

E-mail: andreev@gtrk.kuzbass.net

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 59. pp. 199–213.

DOI: 10.17223/1998863X/59/19

GLOBAL PUBLIC ORDER AND ITS CHANGES

Keywords: world order; globalization; network; panopticon; synopticon; banopticon.

The article discusses modern approaches to the study of the global public order, including the analysis of factors contributing to its formation and the consideration of the forms that it takes. The phenomenon of the global public order characterizes the postmodern situation, described in the categories of decentralization, fragmentation, depersonalization of power, and indirect control through network structures. According to the authors, the global public order is becoming more and more an object of interdisciplinary research, in particular, it is actively considered from the standpoint of structural analysis. The authors conclude that the process of adaptation of new forms of the global public order to the dynamically changing global reality is currently underway. As a result of the research, it was possible to identify and generalize the patterns associated with the transformation of forms and mechanisms of public order in the context of modern global processes: 1. Public order is emerging today as an independent phenomenon and cannot be reduced exclusively to formal legal, communicative, organizational and political aspects. 2. Modern public order is inextricably linked with

the situation of “liquid modernity” and the formation of the system of “liquid observation”, in which the panopticon a form of public control is gradually stepping aside. 3. Public order is associated with the formation of a global control matrix based on modern global communication technologies. 4. The structural basis of the emerging public order model is the combination of such forms of public control as the synopticon (“surveillance of the few by the many”) and the banopticon (with polarization and exclusion from the public space of the “undesirable”), with some elements of the panopticon retaining. 5. The approval of new forms of public order and public control is accompanied by a new “revolution of managers”, when the latter are gradually relieved of their duties to exercise guardianship and control over the broad masses of people, transferring the implementation of control procedures to previously subordinate objects. 6. The state retains, within the limits of its competence, part of the powers to implement public order, while retaining its own segment of public control. 7. The emergence of global public control leads to the separation of politics and governance. The approach proposed by the authors to the study of the emerging global political order obviously needs further elaboration and specification. In the authors’ opinion, it is the updated understanding of the nature and methods of formation (reproduction) of the global public order that will make it possible to concretize the meaning of this concept and make it the property of the general public. The very concept of the global public order allows concretizing the content and meaning of the concepts “world order” and “global governance”, providing additional opportunities for the formation and use of public communications, political modeling, political propaganda and political engineering. The global public order presupposes not only a certain consensus of the world elites, but also the building of public opinion and the sociopolitical situation based on the laws of the internal dynamics of society.

References

1. Tsygankov, A.P. (2019) Epokha poluraspada: ot miroporyadka k miroperekhodu [An era of half-life: from world order to world transition]. *Rossiya v global'noy politike – Russia in Global Affairs*. 17(2). pp. 20–31.
2. Degterev, D. (2019) Vtoroy bol'shoy spor v kontekste stanovleniya rossiyskoy nauki o mezhdunarodnykh otnosheniyakh [The second big dispute in the context of the formation of the Russian science of international relations]. *Mezhdunarodnye protsessy*. 17(2). pp. 43–62.
3. Smorgunov, L.V. (2019) Participatory governability under digitalization conditions: network effect and institutions. *Kaspiyskiy Region: Politika, Ekonomika, Kul'tura – The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*. 4(61). pp. 43–49.
4. Baranovsky, V. (2019) New International Order: Overcoming or Transforming the Existing Pattern? *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*. 63(5). pp. 7–23. (In Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-5-7-23
5. Lebedeva, M.M. (2020) New World Order: Parameters and Possible Contours. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 4. pp. 24–35. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2020.04.03
6. Steger, M. (2009) *Globalization: A Very Short Introduction*. New York: Oxford University Press.
7. Finchelstein, G. (2013) *La dictature de l'urgence*. Paris: Fayard.
8. Beck, U. (2017) *The Metamorphosis of the World: How Climate Change is Transforming Our Concept of the World*. Polity. pp. 177–179.
9. Taleb, N. (2017) *Skin in the Game: Hidden Asymmetries in Daily Life*. Allen Books.
10. Lebedeva, M.M., Kharkevich, M.V., Zinoveva, E.S. & Koposova, E.N. (2016) State Archaisation: the Role of Information Technologies. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 6. pp. 22–36. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2016.06.03
11. Lebedeva, M.M. (2019) Modern megatrends in world politics. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*. 63(9). pp. 29–37. (In Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-29-37
12. Ruggie, J.G. (1993) Territoriality and beyond: problematizing modernity in international relations. *International Organization*. 47(1). pp. 139–174. DOI: 10.1017/S0020818300004732
13. Castells, M. (1999) *The Information Age. Economy, Society and Culture*. Vol. 3. Oxford: End of Millennium.
14. Brenner, N. (2009) Globalisierung und Reterritorialisierung. In: Kraemer, R. (ed.) *Grenzen in den internationalen Beziehungen*. Potsdam: WeltTrends. p. 73.
15. Appadurai, Ar. (1996) *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Vol. 103(5). Minneapolis: University of Minnesota. pp. 1411–1412.

16. Smith, N. (1992) Geography, difference and the politics of scale. In: Doherty, J., Graham, E. & Malek, M. (eds) *Postmodernism and the social sciences*. New York: St. Martin's Press. pp. 57–79.
17. Bogeson, P. (2000) *Public Policy and local governance*. Institutions in Postmodern Society. Edward Elgar. pp. 171–174.
18. Vasiliache, A. (2009) Verlierer oder Gewinner? *WeltTrends*. 64. pp. 81–89
19. Rosenau, J. (1992) The relocation of authority in a shrinking world. *Comparative Politics*. 24(3). pp. 253–272.
20. Burton, J.W. (1972) *World Society*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 35–51.
21. Osterhammel, J. & Petersson, N.P. (2003) *Geschichte der Globalisierung: Dimensionen, Prozesse, Epochen*. C.H. Beck.
22. Castells, M. (2000) Materials for an Exploratory Theory of the Network Society. *British Journal of Sociology*. 51. pp. 5–24.
23. Malaurie, Ph. (1953) *Les contrats contraires à l'ordre public (Étude de Droit civil comparé: France, Angleterre, U.R.S.S.)*. Th. Reims.
24. Sungurov, A.Yu. (2019) Human rights conception: promotion in Russia and academic discussions. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya – Bulletin of Perm University. Political Science*. 13(3). pp. 44–53. (In Russian). DOI: 10.17072/2218-1067-2019-3-44-53
25. Adzhemoglu, D. & Robinson, D.A. (2015) *Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye. Proiskhozhdenie vlasti, protsvetaniya i nishchety* [Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty]. Translated from English by D. Litvinov et al. Moscow: AST.
26. Smorgunov, L.V. (2020) Ontological turns in contemporary political science: in search for compliance with politics. *Sotsial'nye i gumanitarnye znaniya*. 6(2). pp. 122–133. (In Russian). DOI: 10.18255/2412-6519-2020-2-122-133
27. Rosenau, J. (1990) *Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity*. New Jersey: Princeton. pp. 181–209.
28. Ruggie, J.G. (1993) Territoriality and Beyond: Problematizing Modernity in International Relations. *International Organization*. 47(1). pp. 139–174. DOI: 10.1017/S0020818300004732
29. Bauman, Z. (2004) *Wasted lives. Modernity and its outcasts*. Cambridge, UK: Polity Press.
30. Bauman, Z. (2008) *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid Modernity]. Translated from English. St. Petersburg: Piter.
31. Bauman, Z. (2011) *44 Letters from the Liquid Modern World*. Cambridge: Polity Press.
32. Deleuze, G. (1993) *Unterhandlungen 1972–1990*. Translated from French by G. Roßler. Frankfurt am Main: Suhrkamp. pp. 254–262.
33. Didier, B. (2011) Security a field left fallow. In: Dillon, M. & Neal, A.W. (eds) *Foucault on Politics, Security and War*. London: Palgrave Macmillan.
34. Gandy, O. (2009) *Coming to Terms with Chance: Engaging Rational Discrimination and Cumulative Disadvantage*. Farnham, Surrey: Ashgate Publishing.
35. Wacquant, L. (2009) *Punishing the Poor: The Neoliberal Government of Social Insecurity*. Durham: Duke University Press.
36. Foucault, M. (2011) *Politics, Security and War*. London: Palgrave Macmillan.
37. Matisen, T. (2008) Sud nad tyur'moy [Trial over Prison]. *Otechestvennye zapiski*. 41(2). pp. 39–54.
38. Lyon, D. (2013) *Daten, Drohnen, Disziplin: Ein Gespräch über flüchtige Überwachung*. Berlin: Berlin Suhrkamp.